

Утро в город заходит всегда от восточных ворот,
Вперемежку с туманом, ан нет— то тогда с облаками,
Всякий раз, натываясь на ночь, пробирается вброд,
Будто крот, осторожно, на ощупь, слепыми шажками,

Щурит глаз и пытается каждый неясный предмет
Рассмотреть досконально, обнюхать, погладить по коже
И сравнить первородство с безродностью прошлых примет,
Только память подводит: рассвет повторить невозможно.

Импрессионистично, по-детски привстав на носки,
Отвечая урок, из-за школьной классической парты,
Свет небрежно тушует неброские с виду куски,
Сквозь туман проступают эмблемы, щиты, алебарды...

..Впечатленья дурное, всё смазано, чья-то мазня.
Но проходит мгновенье. И вот на картине вельможно
Проявляется город, законченным видом дразня.
Закавыка одна: это всё повторить невозможно.

Петербург

Но в стужу «держусь я одним Петербургом—
Концертным... зловещим, нахохленным, зимним»,
Он весь на шарнирах и в шаге упругом,
Всю ночь молодеет. Во льду тёмно-синем
Невы отражая свой блеск парусинный,
Топорщится шпилями зданий, оплывших
Под светом коптящей Луны керосинной,
Лучами немymi бессмертье суливших.

Заложен в бессрочную заводь музеев,
И сам, как в музее, в себе затаился,
И хочет сбежать от шальных ротозеев,
Стыдясь, что за годы вконец обносился.
И мучится тайнами древних фасадов,
И помнит прекрасно, как вьюги ворчали,
Когда, защищая себя от распада,
Орлов всероссийских на царство венчали.

И мне не найти в продолженье проспектов
Ни грана любви, ни границы у линий,
Проложенных по преломлениям спектра,
Сквозь только что выпавший выцветший иней.
Но в стужу «держусь я одним Петербургом»...
Бессрочно в него моё сердце зашили.
А он наплывает на ночь демиургом,
Качая флагштоками царственных шпилей.

Цикады Осипа Мандельштама

Пью ночь, как воду из бокала пьют,
И мотыльком тайком мечусь по ночи звёздной.
Мне виден свет, мне выделен приют —
Лишь поле перейти по карте пятивёрстной.

Не тороплю мгновенья высоту,
Вцепившись в воздух и держась за стремя,
Как часовой, забытый на посту,
В молчанье скорбном провожаю время.

Пью ночь, обточенную об углы локтей.
Впиваюсь в речь цикадных пилигримов,
В цитатный рой ушедших в ночь гостей,
Летящих впереди и в темноте незримых.

Калёный оттиск, втиснутый в петит,
Под правую рукой белеет, как страница,
Пространство тех, кто следом полетит.
Мне лиц не различить, меня слепит зарница...

В последний раз почувствуешь себя
Приставленным к ветрилу бытия
На утлой лодке, сорванной с причала
И бурей отнесённой в океан,
В котором без предела и начала
Приговорён носиться по волнам.

В ночи, распахнутой над сумрачной долиной,
Волами тучными с блестящей чешуёй
Пасутся волны, перемешивая глины
Глубин глухих. Всю ночь передо мной

Идёт страда, и ветер запрягает
Стада мычащих волн. Впродоль и в ширину
Бредут валы, как плугом, налегая
Хребтом вола на встречную волну.

Гуртовщик-ветер неустанно хлещет
Охапкой розг по спинам валунов,
Но вместо крови горькой пеной блещут
Живые скалы грозных бурунов.

Их не унять. До собственной кончины
Взрыхлят и перемелют наготу
Распаханной в глухой ночи пучины,
Посеют свет. Здесь звёзды прорастут

И отразятся в бездне чернозёма,
Заколятся вышней тишиной.
Мне не пройти страду — в щепу изломан
Мой бедный ялик валовой волной.

Мой ангел

I.

Мой ангел, наступила осень,
И значит, нам идти в пургу
Листвы, взлетевшей с жёлтых просек,
И подчиниться языку
Листвы, в порывистом наклоне
Жёлто-зелёных сиплых сов
Вершащей, словно на иконе,
Вязь византийских вязких слов.

Нам не понять и половины,
Но узнаваемы вполне
Неповторимые картины
И письма на полотне
От осени первоначальной,
Первоначальной немоты,
Под ветра возглас величальный,
В окружье азбучной фиты.

II.

Мой ангел, скоро ль нас поманит
К себе бездомная весна?
Нас осень много раз обманет,
К лицу ей неба рыжина.

И мы сдаёмся в плен тоскливый,
Вдыхая полной грудью медь
Листвы, тускнеющей в отливах
Заката, чтобы онеметь

От вечереющей лазури,
От нераспознанных теней
Всесокрушающей цезуры
Всё сокращающихся дней.

III.

Ты скажешь, дым костра глотая:
— Как холодно. Как даль черна.
Кружит, кружит ночная стая
Не птиц — то наши имена

В дрожащем мареве кострища
Из пепла листьев золотых
Ещё видны. Но ветер рыщет
Напрасно в небесах пустых;

Ведь, как во сне, мы невесомы,
По-птичьи, вслушиваясь в тьму,
Летим, летим, подобно совам,
Чтобы заполнить пустоту.